

GERMANOSLAVICA

Zeitschrift für germano-slawische
Studien

Literatur und Wissen

SLOVANSKÝ
SÚSTAV
euroslavica

Jahrgang
29

Prag
2018

Sondernummer

INHALT

Editorial:	
Literatur und Wissen	1

AUFSÄTZE

Matthias F r e i s e: Das Gegenüber von literarischem und philosophischem Verknüpfen und seine Reflexe in Karel Čapeks Erzählung <i>Odrazy</i> / The Juxtaposition of Literary and Philosophical Linking and its Reflection in Karel Čapek's <i>Odrazy</i>	5
Marija J a v o r B r i š k i: Literatur und Wissen in Johann Gabriel Seidls virtuellen <i>Wanderungen durch Tyrol und Steyermark</i> / Literature and Knowledge in the Virtual <i>Wanderungen durch Tyrol und Steyermark</i> by Johann Gabriel Seidl.	18
Dagmar P i c h o v á: Voltairovo pojetí <i>gens de lettres</i> / Voltaire's Conception of <i>Gens de Lettres</i>	37
Martin Z. P o k o r n ý: Die Entstehung der Idee der Erschaffung der Welt durch den Menschen. Leibniz – Haller – Klopstock – Goethe – Kant / The Origin of the Idea of Man as the Creator of the World Leibniz – Haller – Klopstock – Goethe – Kant	47
Владимир К а н т о р: Проблема посмертного существования (от Платона до Достоевского). «Бобок», рассказ Достоевского / The Problem of Posthumous Existence (from Plato to Dostoyevsky). „Bobok“, the Story by Dostoyevsky	63
Josef D o h n a l: Psychoanalytische Ansätze in der russischen Literatur der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (Vsevolod M. Garšins Erzählung <i>Die rote Blume</i>) / Psychoanalysis and its Signals in Russian Literature in the Second Half of the 19 th Century (The Short Story <i>A Red Flower</i> by V. M. Garshin)	77
Danuše K š i c o v á ě: Věda a víra v ruské moderně / Science and Faith in Russian Modernism	85
Miroslav M i k u l á š e k: Dotek věčnosti. <i>Mistr a Markétka</i> Michaila Bulgakova. Romantické enigma románu-gnostického mýtu / A Touch of Eternity. <i>The Master and Margarita</i> by M. Bulgakov. The Romantic Enigma of a Novel-Gnostic Myth	93
Bernarda K a t u š i c: Die pendelartigen Bewegungen zwischen dem Faktischen und Fiktiven in Pavičs Roman <i>Das Chazarische Wörterbuch</i> / Fiction and Faction in Pavič's <i>Dictionary of the Khazars: A Lexicon Novel</i> ...	113

Проблема посмертного существования (от Платона до Достоевского).

«Бобок», рассказ Достоевского

Владимир К а н т о р

In the article the author analyses DOSTOYEVSKY's story "Bobok", which concerns the idea of relationship between life and death. The text describes living of people who don't die, or rather who are already dead in their lifetime. The story follows up the topic used in the prior prose "Notes from the Dead House". Particularity of the story "Bobok" is based on the impossibility of a dialogue between "a body and a soul" in a sense of the medieval tradition – here souls are rotting together with bodies, their corporeal life continues after the death. It is a specific image of immortality (life after life) and one of the most dreadful metaphor of the life in Russia. The author perceives his work also as a dialogue between DOSTOYEVSKY and PLATO.

Я обращаюсь к небольшому рассказу Достоевского под почти сюрреалистическим названием «Бобок», который в концентрированном виде дает нам представление о том, как писатель понимал смерть и жизнь в России, причем не бытово, а вполне религиозно-философски. Но его анализ должен быть поставлен в отчетливый литературно-философский контекст.

Смерть – это закон всей истории и всегдашний страх человека. Как правило, религия успокаивала людей, обещая потустороннее существование. Тени, с которыми столкнулся в Аиде Одиссей, понимали, что здесь они навсегда, что истинная жизнь где-то далеко, они из нее выбыли. Правда после возникла классическая античная философия, по-своему прочитавшая тему смерти. Платон в «Федоне» сказал, что настоящий философ стремится к смерти, ибо она освобождает разум от телесной тяжести:

«Истинные философы много думают о смерти, и никто на свете не боится ее меньше, чем эти люди. Суди сам. Если они непрестанно враждуют со своим телом и хотят обособить от него душу, а когда это происходит, трусят и досадуют, — ведь это же чистейшая бессмыслица!»¹

Средневековая европейская культура отразила тему смерти, опираясь на установки христианской веры. Но она твердо проводила эту грань между жизнью и смертью. Жизнь – это то, что человек жаждет. Смерть выталкивает человека в неизвестность. Хотя Христос и обещал вечную жизнь на

1 Платон: Федон // Платон. Собр. соч. в 4-х т., Т. 2, Москва 1993, С. 19.

том свете тем, кто уверует в него. И все же пугающая неизвестность мучила тех, кто поднялся до уровня рефлексии.

ДАНТЕ изобразил потусторонний мир так, что на него показывали, как на человека, повидавшего ад. Мистическое видение, можно сказать, мистический сон ДАНТЕ воспринимался как то, что существует на самом деле. И неслучайно принц Гамлет страшился этих снов, которые ждут человека по ту сторону бытия. Пугало, что *там*. Можно предположить, что отзвуки ПЛАТОНОВСКОГО понимания смерти были восприняты ШЕКСПИРОМ, но писал он речь Гамлета с поправкой на христианское (ДАНТОВСКОЕ) понимание того света.

Быть или не быть – таков вопрос;
 Что благородней духом – покоряться
 Пращам и стрелам яростной судьбы
 Иль, ополчась на море смут, сразить их
 Противоборством? Умереть, уснуть -
 И только; и сказать, что сном кончаешь
 Тоску и тысячу природных мук,
 Наследье плоти, – как такой развязки
 Не жаждать? Умереть, уснуть. – Уснуть!
 И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
 Какие сны приснятся в смертном сне,
 Когда мы сбросим этот бранный шум, -
 Вот что сбивает нас; вот где причина
 Того, что бедствия так долговечны.²

ПЛАТОН уверенно оптимистичен: «Как не испытывать радости, отходя туда, где надеешься найти то, что любил всю жизнь, — любил же ты разумение, — и избавиться от общества давнего своего врага!».³ ШЕКСПИР прошел мимо этого утверждения, прошел и ТОЛСТОЙ, переживший свой «арзамасский ужас», как ужас телесной смерти: он «видел, чувствовал, что смерть наступит, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть».⁴ Н этот животно-мистический страх перед смертью был свойствен из русских классиков, пожалуй, лишь Толстому. Такая страсть к плотской жизни, что он даже не успевает подумать о загробной жизни, о том, что ждет его расплатой за прожитую жизнь. Хоть и назвал своего любимого героя *Платон Каратаев*, от плоти ради мысли отказываться он не собирался.

2 Уильям ШЕКСПИР: Гамлет (перевод М. Лозинского) // Уильям ШЕКСПИР: Полн. собр. соч. в 8-и т., Т. 6, Москва 1960, С. 70-71.

3 ПЛАТОН, С. 19.

4 Лев Н. Толстой: Записки сумасшедшего // Лев Н. Толстой: Собр. соч. в 22 т., Т. XII, Москва, С. 47.

Пожалуй, лишь Пушкин, абсолютный гений русской культуры, отрефлектировал в полной мере (молодым очень человеком в 1823 году) мысль Платона (все же воспитанник Лицея):

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, -
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!⁵

И все же, зная Платона, гениально перефразируя его мысль, поэт видит нечто другое. в отличие от Платона Пушкин не верит, что мысль уцелеет после смерти «в небесной чистоте». Он вносит тревожную и, в общем-то, не только антиплатоновскую, но и антихристианскую ноту: «Ничтожество меня за гробом ожидает...»⁶ Строго говоря, монолог Гамлета есть рефлексия по поводу дантовского Ада. Пушкин весь в сомнении. Это сомнение он как бы передал великому писателю Достоевскому, который без конца повторял, что Пушкин – высшее и лучшее, что создала русская культура.

Достоевского называли русским ДАНТЕ. Одним из первых заметил это Тургенев, сказав, что картины бани в «Мертвом доме» просто дантовские. Популярность ДАНТЕ в русской культуре в первой половине XIX в. была весьма велика. Я писал об этом в книге, вышедшей в 1988 г., говоря там о Шевыреве, Милюкове и др. На мой взгляд, Гоголь «Мертвые души» строил как трехчастную поэму по парадигмальному образцу «Божественной комедии», но удалась у него только первая часть – Ад: «Второй том, предполагаемое „Чистилище“, уже показал писателю невозможность, оставаясь в пределах предложенного действительностью реального материала, осуществить свой замысел».⁷

5 Александр С. Пушкин: Надеждой сладостной младенчески дыша // Александр С. Пушкин: Собр. соч. в 10-ти т., Т. 2, Москва 1959-1962, С. 12.

6 Там же.

7 Владимир К. Кантор: «Средь бурь гражданских и тревоги». Борьба идей в русской литературе 40-70-х годов XIX века, Москва 1988, С. 217.

В «Дневнике писателя» вечные проблемы Достоевский решал на очень актуальных сюжетах, ставя их в контекст «последних вопросов». Не надо забывать при этом, что «Божественная комедия» была злободневна, как «Дневник писателя» Достоевского. в «Комедии» в вечность погружены образы современников, злодеев, продажных священников, несчастных влюбленных и т.п. Не забудем, что у Данте не просто вечность, а загробное существование. в «Преступлении и наказании» Свидригайлов в разговоре с Раскольниковым приоткрывает свое представление об адской вечности (баня с пауками), в «Карамазовых» тема эта бесконечна, наиболее ярко в разговоре с чертом (топор, своего рода русское оружие возмездия, оказывается спутником Земли). Это бесспорно уже уровень дантовского представления о наказании, которое ждет на том свете русского человека. с Данте его сравнивали и западные мыслители, скажем, Шпенглер. Но сравнение, как говорят, всегда хромает, оно дает ориентир, но никогда не дает понимания нового явления в его целостности. Опыт «Мертвого дома» русского писателя давал столь существенный корректив к размышлениям о потусторонней жизни, что его нельзя не принять во внимание. Не могу не согласиться с современной исследовательницей: «Если в основе поэтики „Комедии“ Данте заложена идея высшей справедливости миропорядка, то в „Записках...“ Достоевского в изображении эмпирической данности ада Мертвого дома идея справедливости превращается по крайней мере в вопрос».⁸

Проблема того, что будет там, волновала Достоевского бесконечно. На эту тему написан один из самых необычных в мировой литературе рассказов «Бобок» (1873 г.). Игорь Евлампиев в своей последней книге написал:

«„Бобок“ можно рассматривать как предположение о возможной форме существования человека в той перспективе, которую открывает нам „высшая идея“ о бессмертии, и это предположение поражает своей безысходностью и выглядит даже более ужасным, чем представление о вечности в виде бани с пауками, пугающее Свидригайлова».⁹

Ситуация, однако, на мой взгляд, более сложная, чем метафизическая проблема потустороннего бытия человека. Сюжет рассказа, введенного писателем в «Дневник писателя», то есть как бы заметки без претензий, строится в форме записок журналиста, не очень большого удачника в литературе. Но в своих литературных неудачах он не себя винит, а духовную ситуацию России, где потеряли критерий между высоким и грязью слов.

8 Александр В. Тоичкина: Образ ада в «Записках из Мертвого дома». К теме Достоевский и Данте // Достоевский и мировая культура. Альманах № 29, Санкт-Петербург 2012, С. 54.

9 Игорь И. Евлампиев: Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»), Санкт-Петербург 2012, С. 449.

«Ныне юмор и хороший слог исчезают и ругательства вместо остроты принимаются» (Бобок). «Вольтеровы бонмо хочу собрать, да боюсь, не пресно ли нашим покажется. Какой теперь Вольтер; нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбили!»¹⁰

Соответственно потеряли и Бога. Герой понимает, что это не его мир: «Со мной что-то странное происходит. И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: „Бобок, бобок, бобок!“». ¹¹ Достоевский решительно, почти по-журналистски вводит основное слово, которое к концу повествования перерастет в символ. А далее странная, почти кощунственная игра рассказчика с понятиями «дух» и «духовность». Рассказчик как бы между прочим произносит почти невозможный для православного текст:

«Какой такой бобок? Надо развлечься».

Но и развлечения у этого журналиста особые. «Ходил развлекаться, попал на похороны». ¹² Вот поразительное восприятие похорон, где покойники даны как самостоятельно действующие лица (они приезжают, а не их привозят):

«Мертвецов пятнадцать наехало. Покровы разных цен; даже было два катафалка: одному генералу и одной какой-то барыне. Много скорбных лиц, много и притворной скорби, а много и откровенной веселости. *Причту нельзя пожаловаться: доходы. Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом* (Курсив мой. – В.К.)». ¹³

Фразу рассказчик заканчивает почти вольтеровским, антиклерикальным выпадом. Читатель должен понять, что автор человек интеллектуально свободный.

И далее ресторан. Потом с провожающими идет в ресторан погреться: холодно. «Заглянул в могилки — ужасно: вода, и какая вода! Совершенно зеленая и... ну да уж что! Поминутно могильщик выкачивал черпаком». ¹⁴ От этого уж совсем зябко, октябрь. Но есть вполне человеческий выход, и очень российский:

«Тут сейчас богадельня, а немного подалее и ресторан. И так себе, недурной ресторанчик: и закусить, и всё. Набилось много и из провожатых. Много заметил веселости и одушевления искреннего. Закусил и выпил». ¹⁵

10 Федор М. Достоевский: Бобок // Федор М. Достоевский: Полное собр. соч. в 30-ти т., Т. 21, Ленинград 1980, С. 42.

11 Там же, С. 43.

12 Там же.

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же.

(Достоевский как всегда двойствен: то ли алкоголь наваял дальнейшее, то ли в самом деле *оно* произошло). «Не понимаю только, зачем остался на кладбище; сел на памятник и соответственно задумался». ¹⁶ И далее начинаются чудеса:

«Надо полагать, что я долго сидел, даже слишком; то есть даже прилег на длинном камне в виде мраморного гроба. И как это так случилось, что вдруг начал слышать разные вещи? Не обратил сначала внимания и отнесся с презрением. Но, однако, разговор продолжался. Слышу — звуки глухие, как будто рты закрыты подушками; и при всем том внятные и очень близкие. Очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться.

— Ваше превосходительство, это просто никак невозможно-с. Вы объявили в червях, я вистую, и вдруг у вас семь в бубнах. Надо было условиться заранее насчет бубен-с». ¹⁷

И далее вдруг выясняется страшная ситуация. Покойники, оставаясь покойниками, продолжают жить какой-то странной жизнью, причем такой же грешной, как жили на земле, продолжается разряды, продолжается чиновничье-читание, а в зависимости от чина почет и шанс на сексуальные утехы. Хотя рассказчик и поражен, ибо о каком сладострастии может быть речь в могилах! Но речь есть.

«Какие заносчивые, однако, слова! И странно и неожиданно. Один такой веский и солидный голос, другой как бы мягко улащенный; не поверил бы, если б не слышал сам. На литии я, кажется, не был. И, однако, как же это здесь в преферанс, и какой такой генерал? Что раздавалось из-под могил, в том не было и сомнения. Я нагнулся и прочел надпись на памятнике:

„Здесь покоится тело генерал-майора Первеедова... таких-то и таких орденов кавалера“. Гм. „Скончался в августе сего года... пятидесяти семи... Покойся, милый прах, до радостного утра!“

Гм, черт, в самом деле генерал! На другой могилке, откуда шел льстивый голос, еще не было памятника; была только плитка; должно быть, из новичков». ¹⁸

Но все страсти земные при них:

«Далее началась такая катавасия, что я всего и не удержал в памяти. <...> Полупроснулся один инженер, но долго еще бормотал совершенный вздор, так что наши и не приставали к нему, а оставили до времени вылежаться. Наконец, обнаружила признаки могильного воодушевления схороненная поутру под катафалком знатная барыня. Лебезятников (ибо льстивый и ненавидимый мною надворный советник, помещавшийся подле генерала Первеедова, по имени оказался Лебезятниковым) очень сутился и удивлялся, что так скоро на этот раз все просыпаются. Признаюсь, удивился и я; впрочем, некоторые из проснувшихся были схоронены еще третьего дня, как, например, одна молоденькая очень девица,

16 Там же, С. 44.

17 Там же.

18 Там же, С. 45.

лет шестнадцати, но все хихикавшая... мерзко и плотоядно хихикавшая».¹⁹

Повторим недоуменный вопрос: разве возможно сладострастие в мертвом состоянии? Но хочу напомнить, что из великих писателей и мыслителей, только Достоевский побывал в Мертвом доме, как бы *на том свете*, где люди продолжали жить, жить животной жизнью, предаваясь всем порокам постороннего мира. Приведу длинную цитату из «Записок из Мертвого дома», но она абсолютно необходима:

«Начинается кутеж, питье, еда, музыка. Средства большие; задобривается даже и ближайшее, низшее, острожное начальство. Кутеж иногда продолжается по несколько дней. Разумеется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идет к другим целовальникам, которые уже поджидают его, и пьет до тех пор, пока не пропивает всего до копейки. Как ни оберегают арестанты гуляющего, но иногда он попадает на глаза высшему начальству, майору или караульному офицеру. Его берут в кордегардию, обируют его капиталы, если найдут их на нем, и в заключение секут. Встряхнувшись, он приходит обратно в острог и чрез несколько дней снова принимается за ремесло целовальника. Иные из гуляк, разумеется из богатеньких, мечтают и о прекрасном поле. За большие деньги они пробираются иногда, тайком, вместо работы, куда-нибудь из крепости на форштадт, в сопровождении подкупленного конвойного. Там, в каком-нибудь укромном домике, где-нибудь на самом краю города, задается пир на весь мир и ухлопываются действительно большие суммы. За деньги и арестантом не брезгают; конвойный же подбирается как-нибудь заранее, с знанием дела. Обыкновенно такие конвойные сами – будущие кандидаты в острог. Впрочем, за деньги все можно сделать, и такие путешествия остаются почти всегда в тайне».²⁰

Вот эта странная *жизнь в смерти*, временная смерть, которую прошел в России не один Достоевский, но только он сделал ее предметом художественной рефлексии.

Но о ней говорит и русский фольклор. Великий русский филолог Владимир Я. Пропп выделяет в русской сказке «явление временной смерти». И замечает: «формы этой смерти очень различны, но сейчас нам важны не формы, а самый факт». Он отказывается объяснять этот факт, замечая, что на данном этапе достаточно его фиксации: «Мы можем только установить факт, не вдаваясь в его объяснение. Факт тот, что этому умиранию и воскресению приписывали приобретение магических свойств».²¹

Конечно, разговоры героев Достоевского в могиле – из ряда магических явлений дохристианской культуры. Он описывает в новелле «Бобок», своего рода магически остановленное мгновение, жизнь в смерти, которая

19 Там же, С. 48.

20 Федор М. Достоевский: Записки из Мертвого Дома // Федор М. Достоевский: Полное собр. соч. в 30-ти т., Т. 4, Ленинград 1972, С. 38.

21 Владимир Я. Пропп: Исторические корни волшебной сказки, Ленинград 1986, С. 93.

когда-нибудь перейдет в подлинную смерть. Но надо подчеркнуть, что это не фольклорные, сказочные мертвецы, но мертвецы из реального петербургского мира, мертвецы, которые, оставаясь в могилах, продолжают свое прижизненное существование. Такое писатель мог видеть только в «Мертвом доме». Пожалуй, сопоставил два этих наблюдения Достоевского – каторжный и кладбищенский – лишь Андрей Белый:

«Для чего печатать все это свинство, в котором нет ни черточки художественности. Единственный смысл напугать, оскорбить, сорвать все святое. „Бобок“ для Достоевского есть своего рода расстреливание причастия, а игра словами „дух“ и „духовный“ есть хула на Духа Святого. Если возможна кара за то, что автор выпускает в свет, то „Бобок“, один „Бобок“ можно противопоставить каторге Достоевского: да, Достоевский каторжник, потому что он написал „Бобок“». ²²

Но надо понимать, что личный опыт, личное гениальное открытие писателя Достоевского находилось в контексте мироощущения русской культуры 1830-1870 х гг. Не надо забывать, что в 1836 году вышло первое философическое письмо Чаадаева, где обозначено место написания этого текста – Некрополис. в 1842 г. выходят «Мертвые души» любимейшего русского прозаика Достоевского – Гоголя. в «Бобке» есть намек на связь с ГОГОЛЕМ, комментаторы полагают, что первые строки записок, где рассказывается, что некий живописец изобразил его,

«как «лицо, близкое к помешательству» И добавил пару бородавок: «Думаю, что живописец списал меня не литературы ради, а ради двух моих симметрических бородавок на лбу: феномен, дескать. Идеи-то нет, так они теперь на феноменах выезжают. Ну и как же у него на портрете удались мои бородавки,— живые! Это они реализмом зовут». ²³

Туниманов полагает тут переключку с последней фразой из «Записок сумасшедшего»: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?».²⁴ Бородавки как-то переключаются с этой странной шишкой. Безобразия лица и шишки приводят на память, разумеется, СОКРАТА, как самого уродливого философа, тем более, что в новелле появляется русский философ Платон Николаевич, рассуждающий на темы ПЛАТОНА и СОКРАТА – о жизни и смерти:

«Платон Николаевич, наш доморощенный здешний философ. <...> Он объясняет всё это самым простым фактом, именно тем, что наверху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь еще раз как будто

22 Андрей Белый: Трагедия творчества // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 гг., Москва 1990, С. 154.

23 ДОСТОЕВСКИЙ: Бобок, С. 42. (Кстати, речь идет о знаменитом портрете Достоевского кисти В. Г. ПЕРОВА).

24 Николай В. Гоголь: Записки сумасшедшего // Николай В. Гоголь: Полное собрание сочинений в 14 т., Москва/Ленинград 1937-1952, Т. 3, С. 184.

оживает, остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании. Это — не умею вам выразить — продолжается жизнь как бы по инерции. Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз неделю в шесть он всё еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок: «Бобок, бобок», — но и в нем, значит, жизнь всё еще теплится незаметною искрой».²⁵

Россия хотела себя чувствовать в контексте мировой культуры, обретая в эти столетия, начиная с ПЕТРА Великого, самосознание. И вот, обретя, она ощущает себя погруженной в мрак смерти. «Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе как с царского разрешения или приказа. Оттого здесь все так мрачно, подавленно, и мертвое молчание убивает всякую жизнь. Кажется, что тень смерти нависла над всей этой частью земного шара»²⁶. Мертвецы у ДАНТЕ живут а аду. География и топография ада описана в Комедии ДАНТЕ подробно. На земле, полагал ДАНТЕ, находятся живые, но самые скверные из них могут уже мучиться в аду, нести наказание, в России ДОСТОЕВСКИЙ увидел на кладбище новый тип живущих и мертвых одновременно, для которых это не наказание. Произнести страшно — это образ жизни.

«— Это... хе-хе... Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать, последнее милосердие... Только мне кажется, барон, всё это уже мистический бред, весьма извинительный в его положении...

— Довольно, и далее, я уверен, всё вздор. Главное, два или три месяца жизни и в конце концов — бобок. Я предлагаю всем провести эти два месяца как можно приятнее и для того всем устроиться на иных основаниях. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

— Ах, давайте, давайте ничего не стыдиться! — слышались многие голоса, и, странно, слышались даже совсем новые голоса, значит, тем временем вновь проснувшихся. с особенною готовностью прогремел басом свое согласие совсем уже очнувшийся инженер. Девочка Катишь радостно захихикала».²⁷

Там, где жизнь потеряла высший смысл, человеческая особь впадает в разврат и отказывается от представления о стыде. Тема стыда и потери стыда у героев ДОСТОЕВСКОГО прекрасно развита в книге ДЕБОРЫ МАТИНСЕН «Настигнутые стыдом».²⁸ в контексте этого понятия выкрики персонажа «Бобка» о том, что не надо стыдиться, выявляют страшный момент. Кричать такое могут не люди, но и не животные, ибо животные просто не знают стыда. А герои

25 Достоевский: Бобок, С. 51.

26 Маркиз Астольф де Кюстин: Николаевская Россия, Москва 1990, С. 74.

27 Достоевский: Бобок, С. 51–52.

28 Дебора МАТИНСЕН: Настигнутые стыдом, Москва 2011.

Достоевского знают стыд, но хотят от него отказаться. Словечки «стыдно», «бесстыдный», «давайте ничего не стыдится» и пр. буквально пронизывают тексты писателя. Владимир Соловьев, мыслитель, во многом продолживший Достоевского, полагал, что именно стыд отличает человека от животного, и писал о связи стыда с проблемой сексуальной:

«Есть одно чувство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенной отсутствует у самых высших животных и однакоже ясно обнаруживается у самых низших человеческих рас. в силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек *стыдится*, т.е. признает *недолжным* и скрывает такой физиологический акт, который не только удовлетворяет его собственному влечению и потребности, но сверх того полезен и необходим для поддержания рода. в прямой связи с этим находится и нежелание оставаться в природной нагоде, побуждающее к изобретению *одежды*. <...> Этот нравственный факт резко всего отличает человека от всех других животных, у которых мы не находим ни малейшего намека на что-нибудь подобное».²⁹

Что же в этом рассказе? Если античный Платон писал: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью»,³⁰ то здешний Платон (Платон Николаевич) отделяет представление о смерти «тамошнее» и здешнее как бы посмертное, но на самом деле продолжающееся в этой смерти-жизни. Перехода от жизни к смерти практически нет. Могильный, словесный разврат подчеркивает эту ситуацию.

Как-то я написал, что только на том свете нет стыда. Либо в раю, где нечего стыдиться, либо в аду, где стыд забыт, отброшен, как в рассказе Достоевского «Бобок». Пока человек жив, он не может не испытывать стыда за себя или за другого, это и обостряет его восприятие мира, делает человеком. Продолжая анализировать «Бобок», я понял, что это не ад, либо ад по Сведенборгу, где грешники ликуют. Если здесь еще не тот свет, то что тогда? Тогда надо признать, что ад возможен в любом месте, где есть человек. Но «Мертвый дом» дал опыт жизни вне жизни, жизни в смерти.

Именно тема живых мертвецов поднимается уже в первом романе его «Пятикнижия» – в романе «Преступление и наказание». Их там немало, не говорю уж о тех, кто ходит по грани жизни и смерти типа Катерины Ивановны, или идут в смерть, типа утопленницы, на глазах Раскольникова бросившуюся в грязную петербургскую канаву и других постоянно погибающих эпизодических персонажей, скажем, поручик Потанчиков, о котором вспоминает мать Родиона Романовича:

29 Владимир С. Соловьев: Оправдание добра. Нравственная философия // Владимир С. Соловьев: Собр. соч. в 10 т., Т. 8, Санкт-Петербург [1911-1913], С. 50-51.

30 Платон, С. 11.

«Говорит она нам вдруг, что ты лежишь в белой горячке и только что убежал тихонько от доктора, в бреду, на улицу и что тебя побежали отыскивать. Ты не поверишь, что с нами было! Мне как раз представилось, как трагически погиб поручик Потанчиков, наш знакомый, друг твоего отца, — ты его не помнишь, Родя, — тоже в белой горячке и таким же образом выбежал и на дворе в колодезь упал, на другой только день могли вытащить».³¹

Давать другие цитаты из романа не имеет смысла. Но вот реакцию одного из первых читателей, умевших видеть текст, приведу. Я имею в виду ПИСАРЕВА, который, когда выходил за пределы своего ратоборства, был тонким ценителем литературы. Такого живого мертвеца он видит в Мармеладове:

«И с этим-то ясным пониманием своего глубокого ничтожества, с этим неизгладимым, ярким и жгучим воспоминанием о событиях рокового вечера он все-таки бежит в кабак, укравши у жены трудовые деньги, пьянствует без просыпу пятеро суток, губит все последние надежды своего семейства и в довершение всех своих подвигов, спустивши в кабаках все, что можно было спустить, идет выпрашивать у своей дочери, живущей по желтому билету, выпрашивать на последний полуштоф водки частицу тех денег, которые она добывает от искателей легкой и дешевой любви и которые составляют единственное постоянное подспорье чахоточной женщины и троих вечно голодных ребятишек. *Ясное дело, что Мармеладов – труп, чувствующий и понимающий свое разложение, – труп, следящий с невыразимо-мучительным вниманием за всеми фазами того ужасного процесса, которым уничтожается всякое сходство этого трупа с живым человеком, способным чувствовать, мыслить и действовать.* Это мучительное внимание составляет последний остаток человеческого образа; глядя на этот последний остаток, Раскольников может понимать, что Мармеладов не всегда был таким трупом, каким он видит его в распивочной, за полуштофом, купленным на Сонины деньги».³²

Это результат понимания писателем российской жизни.

Вернусь на момент к историческому контексту, чтобы понятнее стал странный взгляд на мир Достоевского. «Моровой полосой» назвал ГЕРЦЕН правление Николая, которое создавало это состояние жизни в смерти. «Человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, – писал он об этом времени, – и будущие поколения не раз останутся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли».³³ в конце 1847 года удрученный окружающей обстановкой профессор НИКИТЕНКО писал в дневник: «Жизненность нашего общества вообще хило проявляется: мы нравственно ближе к смерти, чем следовало бы, и потому смерть физическая возбу-

31 Федор М. Достоевский: Преступление и наказание // Федор М. Достоевский: Полное собр. соч. в 30-ти т., Т. 6, Ленинград 1978, С. 373.

32 Дмитрий И. ПИСАРЕВ: Борьба за жизнь // Дмитрий И. ПИСАРЕВ: Соч. в 4-х т., Т. 4, Москва 1956, С. 330. Курсив мой. – В.К.

33 Александр И. ГЕРЦЕН: Соч. в 30-ти т., Т. IX, Москва 1956, С. 35.

ждает в нас меньше естественного ужаса».³⁴ Хуже прочих было вступающим в жизнь молодым писателям, мыслителям, поэтам. в их житейском опыте не имелось сопереживания государству в его попытках либерально-европейского развития России. Сразу же их деятельность по просвещению страны оказывалась под запретом. Вспомним хотя бы смертный приговор петрашевцам и Достоевскому, приговоренному «к смертной казни расстрелянием» за чтение вслух письма одного литератора другому (Белинского – Гоголю). Ссылки, каторга, солдатчина – вот что ждало многих. Увиденная их глазами николаевская Россия напоминает «убогое кладбище» (Герцен), «Некрополис», город мертвых (Чаадаев), “Сандвичевы острова”, то есть, по представлениям людей XIX века, место, где господствует антропофагия (Никитенко), а обитатели этого мира поголовно – «мертвые души» (Гоголь). в 1854 году Грановский писал Герцену за границу: «Надобно носить в себе много веры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самого сильного и крепкого из славянских народов. Наши матросы и солдаты славно умирают в Крыму; но жить здесь никто не умеет».³⁵

В том же 1854 году бывший каторжанин Достоевский задумывает свои «Записки из Мертвого (!) дома»; рисуя находящиеся в каторжных стенах все сословия необъятной русской земли, восклицает: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром».³⁶ Воистину кладбище! На этом «убогом кладбище» вполне возможна ситуация, где оставшиеся в полубессознательном состоянии люди могут только шептать «Бобок». Жизнь разложилась, но смертью не стала. Впрочем, кладбище не убогое, а грандиозное. Вся страна.

Вот это страшное разложение человеческой души и описал Достоевский в своем самом страшном рассказе. Это страшнее ада. И ко всему прочему эти обитатели гробов пародируют Чернышевского, который попытался ужасу смерти противопоставить формулу, что прекрасное есть жизнь, что это и есть новые начала.

«Нет-нет-нет, Клиневич, я стыдилась, я все-таки там стыдилась, а здесь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!

— Я понимаю, Клиневич,— пробасил инженер,— что вы предлагаете устроить здешнюю, так сказать, жизнь на новых и уже разумных началах».³⁷

34 Александр В. Никитенко: Дневник, Т. I, Ленинград 1955, С. 308.

35 Тимофей Н. Грановский и его переписка, Т. 2, Москва 1897, С. 448.

36 Достоевский: Записки из Мертвого дома, С. 230.

37 Достоевский: Бобок, С. 52.

То есть разумные начала, полагают радикалы, – это отсутствие стыда. Это и есть красота. И Достоевский почти с этим согласен, ибо идеал Мадонны и идеал содомский соединены в красоте. Это вроде бы жизнь. Но эту жизнь он уже видел. Достоевский ответил, что красота страшная вещь, в ней дьявол с Богом борется.

Достоевский прошел Мертвый дом и создал образ России, предвосхищивший «Архипелаг ГУЛАГ». Как пишет А. Тоичкина:

«Ему (Достоевскому. – В.К.) важно, чтобы его „Записки...“ явились не как свидетельство о пребывании на каторге очевидца, не как очерк о нравах и положении в тюрьмах, а как глубоко художественное произведение о судьбах человеческих, о природе человека и путях его, о России и русском народе (понятие русский народ в данном случае объединяет разные национальности). Не случайно в центре метафоры „Мертвый дом“ оказывается понятие дома, места жизни, а *эпитет мертвый обозначает качество жизни в этом доме, состояние живущих в этом доме*. Топос дома оказывается центральным для образа ада в „Записках...“ Достоевского».³⁸

По Достоевскому, наиболее сильные, центровые, способные вести за собой Россию, ибо сильнее этих людей он не встречал нигде, то есть золотой запас России, строго говоря, энергия России. Ибо страна определяется не безличной, не способной к деянии массой, а деятелями – Потемкиными, Меншиковыми, Столыпинными, писателями, мыслителями и художниками и – похороненными в остроге. «Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего».³⁹

Достоевский не любил и боялся разбойников, с которыми пришлось ему несколько лет прожить, но силу он их признавал бесспорно.

И все же в этой странной псевдожизни было нечто невсамделишное, жили и не жили. Поэтому для писателя выход из ситуации полужизни-полусмерти – это воскресение: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых...».⁴⁰ «Бобок» – продолжение «Мертвого дома» на иной лад.

Возможна ли жизнь тел после смерти? в знаменитой средневековой Диоптре изображен разговор тела с душой. Но у Достоевского в его рассказе души так загрязнены и испачканы, что не могут оторваться от тела, не могут вступить с ним в диалог. Они продолжают телесную жизнь после смерти.

Это особого типа бессмертие. Только великий грешник мог это осознать. Достоевский считал себя великим грешником. Хотел писать об этом роман.

38 Тоичкина, С. 56. Курсив мой. – В.К.

39 Достоевский: Записки из Мертвого дома, С. 231.

40 Там же, С. 232.

Строго говоря, как не раз отмечалось, все его тексты вариации на тему «великого грешника». И вот в рассказе «Бобок» дан еще один вариант. Тело умершего не дает душе свободы, тянет в свой смрад. Тело не может отделиться от души. Это, на свой лад, преодоление идеи Платона.

БОБОК – символ человеческого бытия в России. Страшнее символа я не знаю.

Verzeichnis der Mitarbeiter

- Doc. PhDr. Josef D o h n a l, CSc., Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova Univerzita, A. Nováka 1, CZ-602 00 Brno / Katedra rusistiky, Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda, Nám. J. Herdu 2, SK-917 01 Trnava jdohnal@phil.muni.cz
- Prof. Dr. Matthias F r e i s e, Georg-August-Universität, Seminar für slavische Philologie, Humboldtallee 19, D-37073 Göttingen mfreise@gwdg.de
- Ao. Prof. Dr. Marija J a v o r B r i š k i, Oddelek za germanistiko z nederlandistiko in skandinavistiko, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljani, Aškerčeva 2, SI-1000 Ljubljana Marija.JavorBriski@ff.uni-lj.si
- Prof. Vladimir K a n t o r, doktor filozofskih nauk, Filozofskij fakul'tet, National Research University „Vysšaja škola ekonomiki“, Mjasnickaja ulica 20, RU-101990 Moskva vlkantor@mail.ru
- Bernarda K a t u š i ć, Mag., Dr., Universität Wien, Institut für Slawistik, Spitalgasse 2-4, Hof 3, A-1090 Wien bernarda@katusic.net
- Prof. PhDr. Danuše K š i c o v á, CSc.†, Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova Univerzita, A. Nováka 1, CZ-602 00 Brno
- Prof. Dr. phil. habil. Dr. h. c. Elke M e h n e r t, Katedra německého jazyka, Pedagogická fakulta, Západočeská univerzita, Jungmannova 1, CZ-306 19 Plzeň mehnert@knj.zcu.cz
- Prof. PhDr. Miroslav M i k u l á š e k, DrSc., Ústav slavistiky, Filozofická fakulta Ostravská Univerzita, Reální 5, CZ-701 03 Ostrava miroslavmikulasek@seznam.cz
- PhDr. Dagmar P i c h o v á, Ph.D., Katedra filozofie, Filozofická fakulta, Masarykova Univerzita, Arna Nováka 1, CZ-602 00 Brno pichova@phil.muni.cz
- PhDr. Martin Z. P o k o r n ý, Filosofický ústav AV ČR, v. v. i., Jilská 352/1a, CZ-110 00 Praha 1 pokorny@flu.cas.cz
- Doc. PhDr. Helena U l b r e c h t o v á, Ph.D., Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., Valentinská 1, CZ-110 00 Praha 1 ulbrechtova@slu.cas.cz